

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сестрица Седеф. Турецкая народная сказка

Было то или не было, давно, когда я качал люльку своей матери, жил один падишах. Трёх сыновей и дочь вырастил тот падишах. Любил он детей больше власти своей. Не нужен ему весь мир, ни на что их не променяет. Для матери сыновья были слаще мёда, а дочь — что сливки к мёду. Только насладиться ими, своим мёдом и сливками, ей не пришлось — умерла. Дворец оделся в траур. И тогда чёрный везир сказал падишаху:

— О мой падишах! Не вечен мрак чёрных дней! Детям нужна добрая мать, чтоб из всех десяти пальцев излучала свет.

Нарядил, разукрасил везир свою чёрную дочь и отдал её за падишаха. Отдать–то отдал, но из какого пальца у неё может заструиться свет, если на всех десяти пальцах дочери черного везира чернота! Аллах, не дай испытать на себе их зло! Раньше она улыбалась даже рабыням, теперь пришло её время, и на каждого она разными уловками и хитростями посадила черное пятно. Больше всех досталось сиротке, хуже всех пришлось сиротке... Стала она чернее чёрного — водой из сорока рек и то не отмоешь. Недаром учат: наговор опасен, как горные стремнины! Осрамила мачеха сиротку даже в глазах родного отца и добилась — падишах прогнал от себя дочь.

Прогнать — прогнал, да разве родные братья и сестра расстанутся? По ночам, склонив друг к другу головы, горевали вместе... Как-то мачеха подкралась к двери и подслушала. Как ворон, набросилась она на них:

— Ах вы, горе на мою голову, опять собрались вместе и сговариваетесь против меня? Постойте, вот я спляшу для вас, чтоб судьба вам улыбнулась!

А были, оказывается, десять пальцев дочери черного везира не просто черными пальцами, могли они творить волшебные дела... И вот рано поутру все три брата превратились в птиц и взлетели ввысь! А их сестрица с черной судьбой не знала, куда деваться от горя. Смотрит на небо, ждет, но ни шума крыльев, ни дыханья братьев. Все птицы вернулись в свои гнезда, а их всё нет. Стал для неё дворец черным подземельем.

«Или я обойду все горы и найду их, или погибну. Что хорошего видела я, родившись на белый свет? Мне ли бояться смерти!» — подумала она и вечером, в непроглядную тьму, отправилась в дорогу. Мало ли шла, много ли шла, по горам, по долинам шла она шесть месяцев и одну осень и добралась до вершины горы. И черных, и белых птиц расспрашивала она о своих братьях, но никто не мог ей ничего ответить. Улетели они друг за другом, не оставив о себе ни памяти, ни перышка, ни словечка. И когда на горы выпал снег, из глаз сестры полились слезы. Горько–горько заплакала она. Да разве услышит и сжалится дочь везира, чтоб счастье её обернулось несчастьем?..

Посмотрела сирота кругом, и что бы вы думали? Три птицы, все три белые, кружатся над её головой! Вскинула она руки, как дерево ветви, но птицы продолжали кружиться, и ни одна из них не подлетела и не села на её ветку.

Колдовство! Превратила их мачеха в таких птиц, что только с заходом солнца, когда кругом всё покрывается мраком, возвращался к ним человеческий облик. Появляется на небе солнце, озаряется земля лучами, расправляют они крылья, улетают ввысь!

К ночи три птицы стали юношами, сестра узнала в них своих братьев. Начали они от радости целовать и обнимать друг друга, а потом стали изливать в слезах все свои горести и печали. Так провели они всю ночь.

А когда рассвело, три брата сказали ей:

— Сестрица, мы устроим себе жилище в местах, где ни птица не пролетит, ни караван не пройдет. По ту сторону горы есть озеро, а посередине озера остров, а на самой середине острова стоит дом, полный аромата сосен и птичьего щебетанья! С рассветом мы возьмем тебя на крылья и умчим на остров. Не бойся, мы не уроним тебя, не думай об этом: наши крылья — крылья братьев, а не руки мачехи!

Так благодарили они свою сестрицу Седеф за верность.

Рано-рано утром три брата, превратившись в трех птиц, соединили свои крылья. Сестра на них, как на ковре, полетела ввысь... Не успела она закрыть и открыть глаза — добрались до острова! А место райское, но сестрица не глянула на деревья, раскинувшие свои ветви, не дотронулась до плодов, сладких как мед... Только братья, взмахнув крыльями, взмыли в небо, вошла она в озеро. Вода его избавляла от болезни, успокаивала горе. Со словами «Чистота, белизна!» сестрица Седеф опустилась в воду. Ни на щеках, ни на лбу следа черноты не осталось! И когда братья–птицы, вернувшись издалека, увидели её блеее молока, чище воды, не было конца их радости:

— Сестрица, сестрица, блеее белого сестрица! Если Аллах исцелил раны, нанесенные тебе мачехой, он избавит и нас от птичьих перьев, тогда мы всю свою жизнь проведем в этом изумрудном дворце в ликовании!

Радовались, пока сон не настиг их и они не улеглись спать.

Говорят, с какими надеждами ляжет человек, то во сне и сбудется. Приснился сестре кто-то из семи святых или из сорока блаженных.

— Дочь моя, — сказал он, — если ты свяжешь из травы рубашки и наденешь их на братьев, то всемогущий Аллах снимет с них колдовство, и они снова станут людьми. Но только помни — пока ты не кончишь работу, ты ни с кем не должна говорить. Если сможешь сдержаться, скажи «бисмиллях» и приступай к делу!

Проснулась сестрица Седеф и боится поверить своему сну. Можно ли теперь терять время, упускать такой случай! Как только братья улетели, нарвала она травы и стала вязать рубашки. К вечеру вернулись братья, спрашивают Седеф, что она вяжет, сестра молчит. Испугались братья:

— Рука чёрной ведьмы–мачехи до всего дотянется, язык в любом месте достанет. С лица сестры сошла чернота, теперь она своим колдовством поранила ей язык!

И принялись как пчелы летать с цветка на цветок, собирать лечебные травы. А сестра продолжала вязать, не проронив ни слова.

Пусть братья–птицы ищут исцеление для сестрицы, они не знают о её сне!

Как-то в тех краях появился всадник — сын падишаха. Увидел он Седеф, подъехал к ней и стал спрашивать:

— Ты роза с какой горы, из какого сада соловей?

Но и он ничего не добился. Взглянул и сказал себе: «Эхо пери!» Взглянул другой раз и сказал: «Это немая!» Сын падишаха полюбил Седеф, решил не откладывать свадьбу. Посадил он девушку на коня и отправился в путь.

По дороге навстречу им летели три птицы. Они начали кружиться над головой, словно желая укрыть их от солнца... Удивился сын падишаха. Не знал он, что три птицы — это три брата девушки... Ну что ж, ехали, ехали через горы и долины, не наступил ещё и вечер, добрались до дворца.

Станет ли перечить падишах сыну, когда его ожидает такая радость?.. В тот же вечер ударили в барабаны, начали пировать. Только Седеф не наряжалась, не украшала себя ожерельями: она вязала петлю за петлей, рубашку за рубашкой, чтоб исполнился её сон.

А один из слуг, оказывается, подглядывал за ней и обо всём падишаху доносил. Как-то вечером падишах сказал сыну:

— Твоя избранница не пери и не простая девушка. Колдунья она, волшебница! Днем прилетают к ней три птицы и стучат в окно, а по вечерам зовут её в сад. Выходит она в эти часы и, набрав травы, возвращается — кто знает, какое зло она готовит тебе! Сын падишаха не верил, не слушал наветов, но решил сам своими глазами всё увидеть. Три дня и три ночи провел он в саду где Седеф встречалась с братьями и собирала траву. Поник головой сын падишаха, а девушку принялись допрашивать. Бедняжка вязанья не бросила, молча роняла слезы. Да, но кто будет считаться с её слезами?.. Молчит — значит соглашается!

— Пусть погубит красавицу её красота! — сказали так и решили снести ей голову.

Палач занёс топор:

— Скажи своё последнее желание! Молчит, вяжет.

— Тогда готовься! — сказал палач. Девушка и тут не бросила вязанья.

Замахнулся палач, но тут появились три птицы, стали кружить над её головой. Палач не успел опустить топор: девушка кончила вязать рубашки и набросила их на птиц. О всемогущий Аллах, все три птицы превратились в стройных, как тростинки, джигитов. Обняли они свою сестрицу, а те, кто видел это, верно, за колдовство всё приняли, застыли в удивлении.

И вот тогда раскрылись уста Седеф и она сказала:

— Палач, не убежит твоя плаха, отведи меня к падишаху! Я расскажу ему всё. Если он снова повелит казнить меня, то я готова положить голову под твой топор.

Послушался её палач. Со слезами на глазах она рассказала падишаху о кознях мачехи.

Падишах видит — девушка Седеф чище изумруда, взял её за руку, отвел к сыну. А своих дочерей отдал за её братьев. Сорок дней и сорок ночей длилась свадьба. Мачеху их, дочь чёрного везира, то ли на сорок частей разорвали, то ли на сорок кусков разрубили. Да, да, зло наказывают, а добрые дела торжествуют. Мы же теперь можем уйти. С неба ещё три яблока упало, это тем, кто не порочит других!